

Глава 6

На вершине Девятирусной Башни, у окна, сидел Суй Цзяньюй. Он привык смотреть вдаль, наблюдая за игрой облаков и тумана, и ждать того, чьи следы были неуловимы.

Бессмертный журавль принёс ему свиток из золота и нефрита. Хозяин Башни развернул его. Это было последнее донесение из Безграничного Кургана Мечей:

«Меч Фу Фэн обрёл хозяина. Извлёкший его не принадлежит ни одной из Девяти Сект».

Хотя имя не было названо, Суй Цзяньюй уже знал, о ком идёт речь.

Сто лет назад этот же человек перевернул все миры с ног на голову. Донесения в свитках сыпались в Девятирусную Башню, словно снег. Двенадцать свитков в день, и в каждом — его имя.

Внезапный порыв ветра заставил мужчину поднять голову. Он почувствовал.

Тот, о ком говорилось в свитке, только что вернулся.

Высокие облака увлажнили кончики волос Цин Чанъюя во время полёта на мече. Длинные, как смоль, пряди рассыпались по тёмно-синему одеянию, едва касаясь тонкой талии.

Свет из-за двери падал на его фигуру, делая её хрупкой и утончённой, словно журавль на одной ноге.

— Я только что получил известие, а ты уже здесь, — Суй Цзяньюй махнул ему рукой, в которой держал свиток.

Цин Чанъюй как раз передавал верхнюю одежду слуге. Услышав друга, он бросил взгляд на свиток, а затем подошёл и поправил накидку на плечах Суй Цзяньюя.

— Ваша Девятирусная Башня и впрямь ничего не упускает из виду.

Он сказал это так, словно просто вышел прогуляться, а не забрал легендарный меч Фу Фэн, о котором мечтали бесчисленные заклинатели.

Руки Цин Чанъюя были прохладными. Когда они соприкоснулись, возникло ощущение, будто он держит холодный нефрит, который нужно согреть теплом.

Суй Цзяньюй накрыл его руку своей, коснувшись тонких костяшек, и обхватил ладонью.

— Путь был лёгким, так почему ты выглядишь недовольным?

Суй Цзяньюй был слишком проницателен. Он всегда замечал малейшие изменения в настроении Цин Чаньюя, скрытые в мелочах. Но Бессмертный Владыка не любил говорить о своих чувствах.

В комнате постоянно курились тёплые благовония. Цин Чаньюй, чью руку держал Суй Цзяньюй, с опозданием понял, что ему немного холодно.

— Эх...

Мужчина опустил глаза и, словно у него не было костей, скользнул в объятия Суй Цзяньюя, невозмутимо солгав:

— Это всё журавли главы ордена виноваты. Растрепали мне волосы, вот я и не в духе.

Оказавшись в его объятиях, Суй Цзяньюй замолчал.

В ушах стало тихо, но в голове по-прежнему роились мысли. Цин Чаньюй перелистнул пару страниц книги на столе друга и снова закрыл её.

После возвращения в мир заклинателей шум и суета, казалось бы, далёкого прошлого, начали понемногу всплывать из глубин его памяти.

Вспоминать — одно, но вновь переживать эмоции — совсем другое.

Прежде Цин Чаньюй лишь просматривал сохранённые в Системе воспоминания, чтобы ничего не упустить. Но сегодняшнее происшествие в Кургане Мечей всколыхнуло в нём былую душевную боль.

Тот прикрыл веки. Успокаивающий аромат лекарственных трав, исходивший от Суй Цзяньюя, постепенно приводил его в чувство.

Предательство и боль — обычное дело. Тот, кто способен выдержать всеобщее обожание, должен быть готов принять и безграничную ненависть.

Вот только в последний день его прошлой жизни блеск тысяч клинков был таким холодным и ослепительным, что у него до сих пор кружилась голова.

Что ж, вчерашнее умерло вместе со вчерашним днём. А сегодня нужно сперва выспаться.

Естественный аромат Цин Чаньюя, смешанный с влажной прохладой облаков, окутал Суй Цзяньюя, и тот на мгновение замер.

Он опустил голову. Гость уже взял со стола книгу и увлечённо читал.

Длинные и густые ресницы отбрасывали тень на его щёки. Он серьёзно смотрел на иллюстрации, без тени кокетства, но сам его вид невольно будоражил воображение.

Казалось, у Цин Чаньюя напрочь отсутствовало понятие о личных границах. Он отталкивал других лишь из-за боязни навлечь на себя неприятности, но Суй Цзяньюй, будучи его единственным близким другом, естественно, не нуждался в такой дистанции.

Пятьдесят лет он не видел своего друга. Пятьдесят лет Суй Цзяньюй просидел у этого окна, ожидая его возвращения. И сейчас он жадно впитывал каждую секунду, проведённую наедине, перебирая в руках его волосы и не желая их заплетать.

Волосы Цин Чаньюя были длиннее, чем у обычных мужчин, глубокого чёрного цвета, невероятно мягкие и послушные в руках Суй Цзяньюя.

Он поднял одну прядь.

Он действовал очень осторожно, но, опустив голову, обнаружил, что Бессмертный Владыка уже уснул.

Черты его лица смягчились. Он выглядел совершенно беззащитным.

Человек, которого все считали настороженным, гордым и холодным, сейчас полностью расслабился в его объятиях. Как тут было не поверить в свою исключительность?

Словно всё сияние небес вдруг оказалось в его руках.

Губы коснулись мягких, шелковистых волос. Их уникальный аромат ударил в ноздри, заставив сердце бешено заколотиться, пробуждая неведомые желания.

Суй Цзяньюй едва слышно вздохнул.

«Ну как, как можно быть таким, Цин Чаньюй?»

Ши Циньянь, глядя в щель приоткрытой двери, увидел, как Цин Чаньюй мирно спит в чужих объятиях.

Суй Цзяньюй любил носить меха, и их пышный, тяжёлый ворс, словно снежное одеяло, укрывал Цин Чанъюя. Сам Бессмертный Владыка был довольно высок, но сейчас, слегка свернувшись, казался на удивление хрупким.

Ши Цинъянь никогда не видел его таким.

За те два дня, что он провёл с этим человеком, он успел почувствовать его врождённую отстранённость и холодность.

Ши Цинъянь молча прикрыл дверь, глубоко запрятав увиденное в сердце.

Владыка башни бросил холодный взгляд на закрывшуюся дверь и крепче прижал к себе спящего.

Если бы только Цин Чанъюй мог вечно так спокойно спать в его объятиях.

К несчастью, от этого движения Цин Чанъюй проснулся.

И первым делом спросил:

— Как тот мальчик, которого я просил тебя приютить?

Рука Суй Цзяньюя всё ещё играла с кончиками его волос. Пальцы, бледные от болезни, вились вокруг пряди, словно настойчивая змея.

— Прошло всего два дня. Что я мог разглядеть?

— Ты же умеешь читать по костям, лицу и ауре, — с любопытством спросил Цин Чанъюй. — По-твоему, в нём есть что-то особенное?

«Дитя удачи... — подумал он. — Интересно, видит ли Суй Цзяньюй над его головой какой-нибудь радужный нимб?»

«Ох... почему у него лицо такое недовольное?»

Цин Чанъюй не мог понять, какая именно фраза задела этого длинноволосого капризного красавца Девятиярусной Башни. Он придвинулся ближе и заглянул другу в глаза.

— Я же тебя не обижал. С чего ты так недоволен?

Может, судьба Дитя удачи слишком сложна и затрагивает глубинные законы мироздания? Предсказателям трудно заглянуть в такие тайны, а попытка сделать это силой лишь сократит жизнь и повредит дух.

— Понятно, — сказал он с пониманием. — Небесные тайны нельзя разглашать. Я не стану заставлять тебя рисковать жизнью. Будь спокоен.

Выражение лица Суй Цзяньюя несколько раз сменилось. Он хотел было рассердиться, но, глядя на приблизившегося Цин Чаньюя, не смог. Его взгляд сбил мужчину с толку, и в итоге он лишь процедил сквозь зубы:

— Да кто с тобой об этом спорит?

Цин Чаньюй редко пытался угадать чужие мысли. Только ради своего близкого друга он мог сделать исключение.

Он задумался и понял: вероятно, Суй Цзяньюю не понравилось, что он сегодня уснул у него на руках.

Тот мысленно вздохнул.

«Надо же, и меня однажды отвергли, — с горечью подумал Цин Чаньюй. — Похоже, пятьдесят лет разлуки всё же создали между ними пропасть. Больше нельзя, как раньше, пользуясь статусом друга, вести себя так бесцеремонно»

— Больше такого не повторится, — произнёс он.

Суй Цзяньюй, удивлённый тем, что Цин Чаньюй, кажется, понял его мысли, почувствовал неладное и спросил:

— Чего «такого»?

— Конечно же, я больше не буду спать у тебя, — ответил Цин Чаньюй.

Услышав это, Суй Цзяньюй, казалось, перестал дышать.
